

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНОВ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ ЗА ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ЛИЧНОГО СОСТАВА ЧАСТЕЙ И СОЕДИНЕНИЙ РККА

(вторая половина 1918 - октябрь 1919 г.)

ABILITY TO MAKE SOME ASPECTS
OF COMBATING POLITICAL BODIES ACTION
ARMY FOR IMPROVING MORAL
AND PSYCHOLOGICAL STATE
OF THE PERSONNEL OF UNITS
AND FORMATIONS OF THE RED ARMY
(The second half of 1918 - October 1919)

V. Semykin

Annotation

Article investigates the study of political organs of the Red Army in the area of improving the morale of its personnel during the second half of 1918 to October 1919. Political bodies and organizations of the RCP (b) of the army in the fight for improving the morale of personnel of units and served as one of the most important structures in the administrative and legal, organizational, political, educational, material and social impact on the solution of the problem.

Keywords: TRed Army, the RCP (B), the army, the military, moral and psychological state, 1918–1919.

Семькин Виктор Анатольевич

Аспирант,

каф. отечественной истории и археологии,

Поволжская государственная

социально-гуманитарная академия

Аннотация

Статья посвящена проблемам изучения деятельности политических органов РККА в области повышения уровня морально-психологического состояния ее личного состава в период со второй половины 1918 по октябрь 1919 г. Политические органы и организации РКП (б) действующей армии в борьбе за повышение уровня морально-психологического состояния личного состава частей и соединений выступали в качестве одного из важнейших структур в системе административно-правового, организационного, политико-просветительного, материально-бытового воздействия на решение поставленной задачи.

Ключевые слова:

РККА, РКП(б), армия, военнослужащие, морально-психологическое состояние, 1918–1919 гг.

Направление деятельности политических органов действующей армии, указанное выше, в исследуемом периоде, являлось тем направлением, которое иначе, как наиболее приоритетным, и нельзя классифицировать. Ведь опыт военной истории убедительно свидетельствует о том, что высокий уровень морально-психологического состояния личного состава частей и соединений – одно из важнейших слагаемых их боеспособности и необходимое условие достижения победы над противником. При этом необходимо подчеркнуть, что данная борьба проходила в условиях, когда красные войска терпели серьезные поражения (например, так называемая пермская катастрофа – сдача в ночь с 24 на 25 декабря 1918 года частями РККА Перми и отход по линии железной дороги на Глазов [1;2;3, с.19–25]. Это, безусловно, сказывалась негативно на их морально-психологическом состоянии [4].

Начался процесс разложения, красных войск с тенденцией к прогрессированию. И что характерно: процесс морального разложения красных войск прогрессировал. Так, политотдел 10-й армии докладывал в политотдел Южного фронта о том, что в некоторых частях имелись не просто случаи, когда красноармейцы большими группами сдавались в плен противнику, но перед этим еще предварительно и расстреливали командиров и комиссаров [5, л.187]. Резко снижало уровень морально-психологического состояния личного состава частей и соединений действующей армии и дезертирство. Например, 27 января 1919 политотдел Южного фронта подготовил доклад в Политотдел РВСР, в котором констатируется, что в связи с морозами "усилилось дезертирство" [6, л.25].

На специфику деятельности политорганов действующей

щей армии по повышению уровня морально–психологического состояния личного состава частей и соединений наложил отпечаток тот факт, что они делили ответственность за ее результаты (в отличие от политико–воспитательной и организационно–партийной работы), в первую очередь с Реввоенсоветами оперативных объединений, военными комиссарами, командирами и начальниками всех рангов и степеней, а также со штабами и тыловыми учреждениями. Подобное детерминировалось тем, что процесс повышения уровня морально–психологического состояния войск в действующей армии носил исключительно сложный, многоаспектный, комплексный характер. Он был подчинен, в первую очередь, обеспечению выполнения задач войсками по своему боевому предназначению.

При этом заслуживает особенной констатации следующее положение: в борьбе за повышение уровня морально–психологического состояния частей и соединений политорганы действующей армии были вынуждены часто смещать акценты в ней на ее военно–административные аспекты. Хотя, политорганы имели двойственный характер функционирования в системе партийно–политической работы в РККА – руководящие органы правившей компартии в армии и одновременно военно–административные аппараты, подчиненные соответствующим армейским командованиям. Причем, они зачастую здесь дублировали деятельность командиров и штабов.

Политорганы должны были учитывать, что органы государственной власти и военного управления РСФСР принимали меры экстренного характера по повышению уровня морально–психологического состояния личного состава соединений и частей. Причем, здесь стали доминировать жесточайшие репрессии, зачастую массовые, огульные. Так, в августе 1918 г. впервые произошли массовые расстрелы. По приказанию Л.Д.Троцкого (и с одобрения В.И.Ленина) в августе 1918 г. на Восточном фронте применили принцип казни каждого десятого взятого из строя. Всего расстреляли 20 человек, включая комиссара и командира полка [7, с.48–49].

И политические органы в борьбе за повышение уровня морально–психологического состояния личного состава частей и соединений действующей армии определили свое место в проводимых репрессиях. Они функционировали здесь в качестве военно–административных органов до предела решительно. Так, политотдел 10 армии Южного фронта доложил в политотдел фронта о том, что после подавления мятежа Вольской дивизии (конец 1918 г.) было расстреляно 23 человека "по суду в Царицыне". Да еще 38 человек "расстреляли на месте" [8, л.1]. Более того, имели место случаи, когда отдельные политорганы действующей армии присваивали себе даже некоторые карательные функции, присущие правоохранительным органам и учреждениям РККА. Это явно вы-

ходило за пределы функций политических органов. Здесь ярко прослеживается специфика именно российской Гражданской войны[9].

Между тем, как убедительно свидетельствует военно–исторический опыт, одним репрессиями (тем более, когда они зачастую проводятся огульно) невозможно обеспечить надлежащий уровень морально–психологического состояния личного состава частей и соединений. Тот уровень, который сопутствовал бы в полной мере качественному выполнению войсками действующей армии задач по их боевому переназначению. Поэтому выглядит логичным то, что кроме обеспечения реализаций на практике политической линии на повышение морально–психологического состояния частей и соединений посредством жесточайших репрессий, политические органы и организации РКП (б) уделяли соответствующее внимание и политико–просветительной работе.

Собственно говоря, вся проводимая политическим органами и организациями РКП (б) политико–воспитательная работа, если ее рассматривать сугубо с позиций прикладного характера, в значительной степени была подчинена именно интересам повышения уровня морально–психологического состояния личного состава соединений и частей действующей армии. Например, Пленум ЦК РКП (б) 13 апреля 1919 г. рассмотрел вопрос об усилении борьбы с дезертирством. Политбюро ЦК 23 апреля своим решением обязало развернуть самую широкую агитацию против дезертиров [10, л.2]. И политорганы, партийные ячейки частей стали незамедлительно переводить в практическую плоскость данное решение. Так, на приводимых митингах, судя по анализу, например, ряда отчетов политотдела Южного фронта, больший акцент стал делаться именно на проблеме борьбы с дезертирством [11, л.19].

Думается, что здесь рельефно проявилось на практике ленинская максима: "Убеждать, завоевывать, управлять"[12, с.65]. Ее понимали в политических органах и ячейках РКП (б) в войсках действующей армии. Так, комиссара 1 Донской кавалерийской бригады докладывал в политотдел Южного фронта о том, что командир соединения Б.М. Думенко поставил дело так, что воинская дисциплина в бригаде "держится плетьюми". Комиссар просил в данной связи политотдел Южного фронта воздействовать на Б.М. Думенко, так как его влияния на командира бригады явно не хватает. А ведь, по мнению комиссара 1 Донской кавалерийской бригады, следовало срочно изжить "этот пережиток прошлого" [13, л.1об.].

Анализ источников и литературы показывает, что с целью повышения морально–психологического состояния частей и соединений политические органы и ячейки РКП (б) действующей армии резко усиливали агитационное воздействие на красноармейскую массу (причем, во

всех формах). Особенно, в тяжелой оперативно–тактической обстановке и при резком падении уровня морально–психологического состояния личного состава частей и соединений. Например, в сведениях, полученных из 10 армии в октябре 1918 г., сообщалось о проявлении анархистских настроений в ряде частей. Чтобы устранить подобные настроения, поарм принял решение усилить политическую работу, в частности выслать в части отдельных агитаторов [14, л.54].

Уделялось повышенное внимание и доведению до умов и сердец красных воинов того, что советская власть проявляет о них заботу. Например, в газете "Красная армия" сообщалось, что три месяца 1919 г. – июль, август, сентябрь – Советское правительство в помощь семьям красноармейцев ассигновало более 1 миллиарда 120 миллионов рублей. Статья эта заканчивалась обращением: "Товарищи красноармейцы, будьте вполне спокойны за свои семьи, и умело, бодро, не оглядываясь назад, идите в бой с врагами рабоче–крестьянской революции" [15].

В конечном итоге, и устная, и печатная агитация, довольно часто способствовала улучшению настроения красных воинов [16]. А это одно из условий повышения уровня морально–психологической устойчивости личного состава красноармейских частей и соединений. Особенно в первом эшелоне оперативного построения войск красных армий и фронтов, а также и в боевых порядках соединений и частей.

В анализируемой политико–просветительной работе нашлось место и деятельности политорганов и организаций РКП (б) на таком важном направлении повышения уровня морально–психологического состояния личного состава частей и соединений действующей армии как борьба с дезертирством. В печати стали, например, судя по аналитическим документам, подготовленным в аппарате Реввоенсовета Республики, публиковать списки злостных дезертиров и сообщать о применении к их семьям наказаний. Одновременно дезертиров стали призывать к добровольной явке, а семьи – воздействовать на уклоняющихся от военной службы в рядах Красной армии [17. л.3].

Практиковались по инициативе политических отделов и материальные стимулы поощрения отличившихся в боях бойцов и командиров. Так, приказом РВС 8 армии о 23 января 1919 г. за проявленное мужество и героизм были награждены месячным окладом содержания все строевые красноармейцы и командный состав рот, батарей, эскадронов, команд боевого назначения и строевой состав штабов, полков, принимавших непосредственное участие в боях [18, с.530].

Что характерно: политорганы владели информацией о

моральной атмосфере в воинских коллективах, что позволяло им быстро реагировать на негативные ситуации, и разрешать возникающие конфликты. Например, в 12–й дивизии 8 армии недовольство личного состава было локализовано, в том числе, и представлением им по инициативе политотдела кратковременного отдыха [19, с.129–130].

Практиковалось и перераспределение партийных сил в интересах войск первой линии, особенно тогда, когда там создавалась экстремальная ситуация. Так, в своем отчете за март 1919 г. политотдел 3 армии Восточного фронта показал, что в связи с отходом красных частей по указанию политотдела Восточного фронта проводится мобилизация коммунистов штаба и армейских учреждений. Все мобилизованные 127 коммунистов отправлены в распоряжение комиссаров дивизий рядовыми красноармейцами. Из них в 29 стрелковую дивизию – 36 коммунистов, 30 стрелковую дивизию – 76 [20, л.153]. А в 4 армии Восточного фронта из тыла непосредственно на фронт направили 500 коммунистов [21, л.112].

В целом, в деле проведения организационно–политической линии на всемерное усиление практического положительного влияния партийных ячеек, персонально всех коммунистов, на морально–психологическое состояние личного состава частей достигались определенные успехи. Подтвердим данный тезис такими примерами (см. табл.1).

И можно предположить, что успехи здесь были бы еще значительнее, если обеспечили бы личную примерность и ответственность всех коммунистов. Но этого не случилось. Более того, имели место случаи отрыва коммунистов от красноармейской массы. Например, в обзоре политической работы на Восточном фронте за январь – февраль 1919 г. зафиксировано, что в одной из частей IV армии коммунисты утроили столовую и не пускали туда красноармейцев, чем последние были возмущены. Политотдел армии принял решительные меры и доложил, что инцидент этот исчерпан, и теперь "столовая доступна для всех" [22, с.229].

Нельзя также не обратить внимания (в контексте вышеизложенного) и на такое обстоятельство: деятельность партийных ячеек не всегда находила понимание у командного состава, причем не только у "военспецов", но и у "красных офицеров". Так, политотдел Южного фронта в январе 1919 г. отмечал, что в 97 саратовском полку организованы партийные ячейки, объединившие 60 человек. Однако командный состав к их деятельности относится враждебно [23, л.2]. Характерно, что в отчете политотдела, из которого почерпнуты эти сведения, не объясняются причины враждебного отношения командиров к партийным ячейкам в полках. Но гипотетически можно предположить, что партийные ячейки стали опекать ко–

Таблица 1.

Примеры практического положительного влияния партийных ячеек, персонально всех коммунистов, на морально-психологическое состояние личного состава частей.

Источник информации	Содержание информации
Политотдел Южного фронта	В конце декабря 1918 г. - оценивал настроение в некоторых частях, имеющих солидную партийную прослойку, как твердое, потому что партийные ячейки внесли "новую струю, политическое сознание поднимается, влияние партии растет", о чем и было доложено в Совнарком.
Политотдел Северного фронта	В феврале 1919 г. сообщил в ЦК РКП (б) о том, что в 7-й армии коммунисты ведут большую организаторскую работу и служат примером для красноармейцев (подчеркнуто соискателем. - В.С.).
Политотдел 2-й армии Восточного фронта	Докладывал в марте 1919 г. во фронтовой политотдел о том, что в 28-м кавалерийском полку на морально-психологическое состояние бойцов отрицательное влияние оказывали анархисты. Но вскоре главари анархистов были выявлены и изгнаны из полка. Туда были посланы 25 коммунистов, прибывших по мобилизации. Они усилили политработу. Влияние анархистов упало, полк "постепенно становится дисциплинированной, боевой единицей".
Член РВС Восточного фронта С.И. Гусев	В своем донесении 15 апреля 1919 г. писал, что в связи с тяжелыми боями, которые вел 227 полк 26 стрелковой дивизии, политико-моральное состояние личного состава было плохое, но "с прибытием партийного пополнения улучшилось".
Политотдел 9 армии	Докладывал летом 1919 г. в политотдел Южного фронта о том, что 5 полк - один из лучших полков 20 дивизии, так как в нем "имеется мощная партийная организация, среди бойцов и командиров железная дисциплина, тесная товарищеская спайка".
Политотдел Южного фронта	Отмечая роль организаций РКП (б) в повышении боеспособности и морального духа войск, укрепления воинской дисциплины и правопорядка в красных войсках, зафиксировал в одном из своих отчетных документов следующее обобщающее суждение: мобилизация коммунистов, "которую провела наша партия", произвела колоссальный перелом на фронте.

Источники: ГА РФ. Ф. 130. Оп.2. Д.592. Л.190; Оп.3. Д.560. Ч.2. Л.113; РГАСПИ.Ф.17. Оп.65.Д.162.Л.21; РГВА. Ф. 106. Оп.2.Д.148.Л.49; Ф.100. Оп.2.Д.4.Л.1.

мандиров, вмешиваться в их командную и особенно повседневную административную деятельность.

Анализ рассматриваемой проблемы был бы неполным, если не отметить такого факта: фронтовые политотделы уделяли самое пристальное внимание проблеме пополнения войск действующей армии кадрами политического состава. Например, в кратком отчете политотдела Южного фронта о распределении политических работников указывается, что через политотдел Южного фронта за период с октября 1918 по 21 февраля 1919 г. прошло всего 1852 политических работника: 1847 мужчин 45 женщин. Их них: коммунистов – 1782 (94,2%); сочувствующих – 98 (5,2%); анархистов – 4 (0,2%); беспартийных – 8 (0,2%). В отчете отмечалось, что на "долю молодых товарищей до 25 лет приходится больше половины (50,6%) всего числа политических работников, прошедших через политотдел Южного фронта"[24, л.179].

При этом особенный акцент делался на том, что эти политработники распределялись по войскам с учетом конкретной боевой обстановки. Судя по одному из отчетных документов политотдела Южного фронта по состоянию на 1 сентября 1919 г. рационально распределили по войскам в целом 1927 политработников. Причем, преимущественно в части и соединения первого эшелона

оперативного построения войск фронта[25, л.360].

Анализ источников и литературы позволяет заключить, что политические органы, организации РКП (б) осознавали, что проблемы материально-технического и бытового снабжения войск действующей армии всем необходимым для функционирования в качестве боевых единиц – это наиострейшая проблема, положительное решение которой повлияет исключительно позитивно на морально-психологическое состояние красных бойцов и командиров. Но им пришлось здесь столкнуться с серьезными провалами, в первую очередь, в функционировании системы снабжения. И политические органы действующей армии систематически и компетентно информировали об этом вышестоящие инстанции, побуждая их, тем самым принимать соответствующие меры. Так, политотдел 9 армии докладывал в политотдел Южного фронта о том, что части 36 дивизии с 15 июля по 21 июня 1919 года не получали обмундирования, фуража, других видов довольствия. В донесении приводились данные командования этой дивизии: с огнеприпасами "сейчас дело обстоит очень плохо. На складах дивизии нет ни одного патрона, не имеется частей к пулеметам" [27, л.3].

Но политорганы действующей армии не вступали только в качестве своего рода ретранслятора – передача

информации в вышестоящие организации. Они имели представления об узких местах в деле снабжения войск всем необходимым, и нацеливали подчиненные им структуры на устранение имевшихся здесь недостатков. Например, 27 июня 1919 г. Реввоенсовет и политотдел Восточного фронта направили Циркулярное распоряжение все подчиненным им РВС и политорганам в котором потребовали, в частности, обратить самое серьезное внимание на удовлетворение семей красноармейцев, "подтянуть обюрократившиеся отделы социального обеспечения (подчеркнуто нами. – В.С.)" [28. С. 184.].

Занимались политорганы действующей армии здесь и аналитической работой. Так, политотдел 10 армии докладывал в политотдел Южного фронта о том, что в выполнении указаний ЦК РКП (б) об "улучшении снабжения красноармейцев" [29, л. 144], имеются определенные положительные подвижки [30, л. 44].

Между тем, нельзя не отметить того, что не смогли оказать радикально положительного политического влияния на повышение эффективности и качества решения задач материально-технического и бытового обеспечения личного состава частей и соединений всем необходимым.

Таким образом, политические органы и организации РКП (б) действующей армии в борьбе за повышение уровня морально-психологического состояния личного состава частей и соединений выступали в качестве одного из важнейших структур в системе административно-правового, организационного, политико-просветительного, материально-бытового воздействия на решение задачи, указанной выше. Здесь проявилась в полной мере их двойственная функциональность в качестве военно-административных, с одной стороны, и руководящих партийных органов, с другой стороны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федоров А. М. Пермская катастрофа и контрнаступление Восточного фронта. М., 1939.
2. Паздников Н. Ф. Борьба за Пермь: пермские события в Гражданской войне. Пермь, 1988.
3. Войтиков С.С. "Пермская катастрофа" Льва Троцкого // Военно-ист. журн. 2013. №8.
4. Ипполитов Г.М. "Красные орлы" против "рыцарей белой мечты": духовная сеча. Моральный дух комбатантов в российской Гражданской войне (нояб. 1917 – дек. 1920 гг.): опыт компаративного анализа. – Самара, 2005.
5. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 100. Оп. 2. Д. 189. Л. 187.
6. РГВА. Ф. 100. Оп. 2. Д. 189.
7. Реввоенсовет Республики. М., 1991.
8. РГВА. Ф. 100. Оп. 2. Д. 184.
9. Горожанин А.В. Правовое воспитание военнослужащих Красной армии в годы Гражданской войны на Юге России (ноябрь 1917 – ноябрь 1920 гг.): исторический опыт, уроки: моногр. /А. В. Горожанин, А. И. Леонов. Самара, 2004.
10. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 3.
11. РГВА. Ф. 100. Оп. 2. Д. 263. Д. 36, 49 об. Д. 264.
12. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51.
13. РГВА. Ф. 100. Оп. 2. Д. 22. Л. 1.
14. РГВА. Ф. 100. Оп. 2. Д. 84.
15. Красноармеец. 1919. 8 окт.
16. Ипполитов Г.М. "Красные орлы" против "рыцарей белой мечты": духовная сеча. Моральный дух комбатантов в российской Гражданской войне (нояб. 1917 – дек. 1920 гг.): опыт компаративного анализа. – Самара, 2005.
17. РГВА. Ф. 4. Оп. 10. Д. 543.
18. Из истории гражданской войны: сб. док. Т. 1. М., 1960. С. 530.
19. Коновалов А. Революцией призванный. М., 1971. С. 129–130.
20. РГВА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 201.
21. РГВА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 189.
22. Партийно-политическая работа в Красной Армии (март 1919 – 1920 гг.): док. – М., 1964. С. 229.
23. РГВА. Ф. 100. Оп. 2. Д. 189.
24. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4 общ. Д. 53.
25. РГВА. Ф. 100. Оп. 2. Д. 147.
26. РГВА. Ф. 100. Оп. 2. Д. 250.
27. РГВА. Ф. 100. Оп. 2. Д. 250. Л. 3.
28. Партийно-политическая работа в Красной Армии (март 1919 – 1920 гг.): док. – М., 1964.
29. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 5. Д. 2.
30. РГВА. Ф. 100. Оп. 2. Д. 189.